Глава XI

МЕНЬШЕВИКИ

Это несколько странное для политического течения название закрепилось за частью российских марксистов после раскола, который произошел на II съезде РСДРП летом 1903 г. Тогда при выборах центральных органов партии сторонники Юлия Мартова оказались в меньшинстве, а сторонники Ленина — в большинстве, что и нашло отражение в наименованиях соответствующих партийных фракций, оформившихся после этих бурных событий. В дальнейшем меньшевики и большевики, которых часто называли «враждующими братьями» — ведь те и другие были революционерами-марксистами и руководствовались одной и той же партийной программой, — то сближались, то вновь расходились по вопросам стратегии и тактики революционной борьбы, пока наконец не стали в 1917 г. двумя совершенно самостоятельными социал-демократическими рабочими партиями. При этом в исторической ретроспекции их ожесточенная борьба предстает не только как столкновение человеческих характеров и амбиций, более жестких и более гибких тактических приемов и методов организационной работы, но и как принципиальный спор о разном понимании демократии и социализма.

Генезис, организационные принципы и социальная база меньшевизма

Безусловно, существовала определенная генетическая связь между меньшевизмом и взглядами членов первой российской марксистской группы «Освобождение труда» (недаром все они стали затем меньшевиками), а также между меньшевизмом, «легальным» марксизмом и «экономизмом» 1890 — начала 1900-х годов. Сыграл свою роль в предыстории меньшевизма и оформившийся в 1897 г. еврейский Бунд. Однако рождение меньшевизма как особого течения в рабочем и социал-демократическом движении России было связано уже с новой полосой массовой революционной борьбы с царским самодержавием и буржуазией, начавшейся в первые годы двадцатого столетия. Именно тогда в России вырабатывалась принципиально новая модель нелегальной социал-демократической партии, нацеленной на подготовку и проведение демократической революции нового типа, которая должна была соединить антифеодальные, антибуржуазные и национально-освободительные черты и проходить при доминирующей роли городского пролетариата. При этом если большевики-ле-

нинцы выступали носителями новых, более радикальных и близких к российской революционной традиции XIX в. тенденций, то меньшевики изначально тяготели к организационным нормам и тактике, принятым во II Интернационале, хотя учитывали в какой-то мере и национальную специфику России.

Споры меньшевиков с большевиками шли сначала по вопросам партийного строительства (вспомним хотя бы широко известную дискуссию, развернувшуюся на II съезде РСДРП вокруг формулировок первого параграфа устава, которые предложили Ленин и Мартов), затем распространились в 1904—1907 гг. на вопросы стратегии и тактики, а потом приняли уже интегральный идеологический и политический характер.

Меньшевистская фракция РСДРП оформилась в конце 1903-го — начале 1905 г. Весной 1905 г. прошли сепаратные фракционные форумы большевиков и меньшевиков — III съезд РСДРП (большевистский) в Лондоне и Первая общерусская конференция партийных работников (меньшевистская) в Женеве. Однако события начавшейся в январе 1905 г. в России революции, которая быстро шла на подъем, сблизили обе фракции, и весной 1906 г. на IV съезде РСДРП в Стокгольме произошло их объединение, не избавившее, впрочем, формально единую РСДРП от периодических межфракционных «разборок».

Поражение Первой российской революции окончательно развело меньшевиков с большевиками, которые в начале 1912 г. организационно отмежевались от так называемых меньшевиков-«ликвидаторов», а фактически от меньшевизма в целом, хотя в ряде мест объединенные социал-демократические организации существовали даже в 1917 г.

Отметим в этой связи, что процесс деления членов РСДРП на большевиков и меньшевиков проходил крайне болезненно, причем особенно сопротивлялись ему рабочие, которые часто не понимали до конца причины раскола и требовали восстановления партийного единства. И если в интеллигентских «верхах» партии, особенно в эмиграции, фракционные деления еще до 1905 г. приняли, по существу, необратимый характер, то в ее «низах», занятых практической революционной работой непосредственно в России, еще долго сохранялась инстинктивная тяга к единству, что и явилось главным фактором объединительных движений в 1905—1906 гг. и весной 1917 г. Однако доктринальные противоречия и личные амбиции лидеров в конечном счете взяли верх. В итоге в августе 1917 г. меньшевики, среди которых тоже были разные группировки, оформились в РСДРП (объединенную), тогда как сторонники Ленина с весны того же года стали называть себя РСДРП (большевиков), а с марта 1918 г. — Российской коммунистической партией (большевиков).

Организационные принципы и социальная база

И меньшевики, и большевики были сторонниками демократического централизма с ударением на второй части этого понятия. Но если большевики тяготели к строго дисциплинированной партии с

единоличным лидером, построенной по принципу безоговорочного подчинения каждой нижестоящей организации вышестоящей и чем-то напоминающей духовно-рыцарские ордена средневековья, то идеалом меньшевиков были социалистические партии II Интернационала. В 1905 г. обе фракции РСДРП встали на путь демократизации своих уставных норм, причем меньшевики расширили права местных организаций значительно больше, чем ленинцы. Характерно, что после объединения в 1906 г. большевики и меньшевики стали руководствоваться новым партийным уставом, первый параграф которого с перечнем обязанностей члена партии был сформулирован теперь в ленинском духе, т.е. требовал личного участия каждого партийца в работе той или иной партийной организации (в уставе 1903 г. по предложению Мартова было записано, что каждый член партии должен оказывать ей «регулярное личное содействие под руководством одной из ее организаций»).

В отличие от большевиков меньшевики гораздо терпимее относились к различным оттенкам взглядов в своих рядах. У них не было единоличного лидера, и внутри фракции всегда существовало несколько течений и группировок, которые вели между собой достаточно острую полемику. Как вспоминал позже один из видных меньшевиков Г.Я.Аронсон, «организационные рамки РСДРП (в меньшевистской ее части) всегда отличались чрезвычайной зыбкостью. Элемент принуждения в меньшевизме (так называемая партийная дисциплина и пр.) даже в полосу легальности и полулегальности почти не имел реальной силы. Понятия иерархии, субординации, тем более авторитарности и вождизма, ни в какой мере не были характерны для меньшевизма».

Основоположником меньшевизма, его идеологом и историком, душой и совестью этого течения, которое в ходе своей эволюции стало одной из форм «демократического социализма», был Ю.О.Мартов (1873—1923). Видными меньшевиками были также П.Б.Аксельрод, Ф.И.Дан, И.Г.Церетели, А.Н.Потресов, А.С.Мартынов, П.П.Маслов, Н.С.Чхеидзе, Н.Н.Жордания. Особую позицию занимал Г.В.Плеханов, взгляды которого никогда полностью не совпадали с меньшевизмом и который в 1917 г. возглавил самостоятельную социал-демократическую организацию «Единство». Что касается Л.Д.Троцкого, то в 1903—1904 гг. он был ярым меньшевиком, но затем стал типичным центристом, стоявшим на промежуточных между большевизмом и меньшевизмом позициях и вступившим в 1917 г. в партию Ленина.

Ограниченность документальной базы и отмеченная выше запутанность межфракционных взаимоотношений в РСДРП, не позволявшая часто провести четкую границу между меньшевиками и большевиками, крайне затрудняют четкое определение количественных и этносоциальных параметров меньшевизма. Известно, например, что весной 1907 г. в России насчитывалось около 45 тыс. меньшевиков, причем главными центрами меньшевизма были Тифлис, Петербург, Киев, Москва, а если брать большие регионы, то Юг и Запад Европейской России и Закавказье. Среди делегатов-меньшевиков V съезда РСДРП (1907 г.), избиравшихся в дореволюционный период наибо-

лее демократическим путем, было 34% русских, 29% грузин и 23% евреев. Рабочих среди меньшевистских делегатов того же съезда было 32%, а крестьян-земледельцев — всего 1%, тогда как все остальные принадлежали к интеллигенции или были профессиональными революционерами. Разумеется, этносоциальный состав меньшевиков в целом мог не совпадать с приведенными выше данными, но известное представление о нем эти цифры, за неимением других, все же дают.

Для сравнения укажем, что, по данным той же мандатной комиссии V съезда РСДРП, среди большевистских делегатов было 78% русских и 11% евреев, 36% рабочих и ни одного крестьянина-земледельца. В то же время меньшевики немного обгоняли большевиков по количеству делегатов с высшим и средним образованием (соответственно 61 и 52%), а также по стажу подпольной работы и среднему возрасту.

В 1917 г., после выхода социал-демократии из подполья, и меньшевики, и большевики быстро стали массовыми партиями. Численность меньшевиков доходила тогда до 200 тыс. человек (у большевиков в октябре 1917 г. было примерно 350 тыс. членов). Однако доля рабочих в рядах меньшевиков существенно не изменилась: на августовском, чисто меньшевистском съезде делегаты-рабочие составляли лишь 22%, т.е. даже меньше, чем за десять лет до этого, на V съезде РСДРП.

Долгое время было принято считать, что в пролетарской среде меньшевики опирались главным образом на склонную к оппортунизму «рабочую аристократию». Однако расплывчатость данного понятия применительно к России и партийно-политическая неоднородность этого микросоциального слоя, дававшего сторонников и РСДРП, и кадетам, и даже черносотенцам, заставили историков отказаться от подобной упрощенной схемы. Правильнее было бы сказать, что к меньшевикам тянулась та часть грамотных, социально активных и политизированных рабочих, которая хотела воплотить в жизнь марксистскую революционную доктрину, используя при этом минимум насилия и максимум легальных возможностей и опираясь в первую очередь на сознательность и инициативу самих трудящихся масс, а не на действия узкой группы профессиональных революционеров (не случайно они были сторонниками меньшевистских лозунгов революционного самоуправления, рабочего съезда и т.д.). Среди рабочих-меньшевиков преобладала так называемая «рабочая интеллигенция», но были среди них и рабочие-середняки, и даже часть малоквалифицированных рабочих, которых смог увлечь за собой тот или иной местный меньшевистский руководитель. При этом в абсолютном своем большинстве они были не социал-реформистами западноевропейского толка, а умеренными революционерами, тем более что крайне негибкая политика царских властей и основной массы российских предпринимателей в рабочем вопросе отнюдь не способствовала «приручению» пролетариата и отказу от революции.

Очень показательны в этом отношения данные о групповых рабочих пожертвованиях на большевистскую, меньшевистскую и эсеровскую печать в 1913 г. Большевики лидировали в этом соревновании, т.к. на их долю приходилось примерно 70% из трех с лишним тысяч таких коллективных сборов по сравнению с 21% у меньшевиков и 9% у эсеров. При этом меньшевистская газета «Луч» была наиболее популярна у шахтеров (51% сборов), затем шли металлисты и печатники (по 26%) и рабочие железнодорожных депо и мастерских (24%), тогда как у текстильщиков меньшевики получили лишь 9% сборов.

Однако основную часть меньшевиков составляли радикально настроенная интеллигенция (врачи, журналисты, учителя, адвокаты и др.), студенты, служащие. Эта ситуация была результатом российской специфики процесса соединения марксистской идеологии с массовым рабочим движением. Он проходил под безраздельным руководством социал-демократической интеллигенции, которая из-за невысокого уровня общей и политической культуры рабочих сразу же захватила лидирующие позиции в РСДРП, причем большевики здесь мало чем отличались от меньшевиков. То, что мы знаем сегодня о меньшевистской интеллигенции, оставляет двойственное впечатление: с одной стороны, ее отличали высокие моральные качества, бескорыстие, самоотверженность, здравый смысл, неплохое знание марксистской теории; с другой — повышенная амбициозность, личное соперничество, быстрая смена настроений, определенный разрыв между словом и делом. Эти противоречивые черты во многом определяли и лицо меньшевизма в целом, который в своей практической политической деятельности заметно уступал большевизму, отличавшемуся неизмеримо большей сплоченностью, идеологической монолитностью, дисциплинированностью, умением учитывать настроения рабочих и крестьянских масс и разжигать их бунтарские инстинкты.

Посмотрим теперь, что представляли собой программа, стратегия и тактика меньшевизма, как выглядели их политические лозунги и каким виделось им ближайшее и более отдаленное будущее России.

Программа, стратегия и тактика меньшевиков

Согласно программе, принятой на II съезде РСДРП в 1903 г., обе фракции Российской социал-демократической рабочей партии ставили своей целью революционный переход от капитализма к социализму, что позволило бы, по их мнению, обеспечить благосостояние и всестороннее развитие всех членов общества, уничтожить его деление на классы и ликвидировать эксплуатацию человека человеком. Предполагалось, что при социализме все люди будут иметь равные возможности и права, трудиться в меру своих способностей и получать за этот труд в соответствии с его количеством и степенью сложности. Путь к социализму должен был начинаться с пролетарской революции и установления диктатуры пролетариата — самого организованного, связанного с крупным машинным производством и разделяющего основные социалистические принципы класса общества, призванного через свою марксистскую партию осуществлять управление государством в течение всего переходного периода от капитализма к новому общественному строю. Диктаторская форма пролетарской

власти объяснялась необходимостью подавить сопротивление уходящих с исторической арены эксплуататорских классов, причем масштабы применяемого для этого насилия и меру возможного ограничения демократических свобод граждан марксисты представляли себе тогда достаточно смутно. Считалось, однако, что предварительным условием установления диктатуры пролетариата является превращение его в большинство населения данной страны.

Пролетарская революция мыслилась при этом как явление мирового масштаба. Маркс, Энгельс, а затем и теоретики II Интернационала полагали, что она произойдет с небольшими интервалами во всех развитых европейских государствах и США, а затем распространится на более отсталые и колониальные страны. При этом победа социалистической революции и тем более утверждение социализма как новой хозяйственной системы в одной стране, например в России, считались тогда невозможными.

Однако прежде чем решать задачи, входившие в программу-максимум РСДРП, социал-демократам необходимо было выполнить программу-минимум: добиться установления в России демократической республики и покончить со всеми отстатками крепостничества. Предстояло передать помещичью землю крестьянам (сначала речь шла только о так называемых «отрезках», т.е. о землях, отобранных у крестьян помещиками по условиям реформы 1861 г., а после начала революции 1905—1907 гг. — уже о всех помещичьих имениях, а также о землях, принадлежавших казне, царской семье и монастырям), ликвидировать национальный гнет и предоставить всем народам право самим решать свою дальнейшую судьбу (право на самоопределение молчаливо предполагало и возможность их отделения от России). Социал-демократы обещали также коренным образом улучшить положение рабочих: ввести 8-часовой рабочий день, государственное страхование по болезни и старости, ликвидировать систему штрафов и т.д. Все граждане России должны были обрести свободу слова, собраний и союзов.

Эта программа была разработана редакцией марксистской газеты «Искра» в 1902 г. и практически единогласно принята на II съезде РСДРП еще до раскола партии. В 1906 г. по инициативе меньшевиков, преобладавших на IV съезде РСДРП, аграрная часть программы подверглась пересмотру в духе идеи «муниципализации» земли (речь шла о передаче конфискованных помещичьих, казенных, удельных и монастырских земель в распоряжение избранных демократическим путем органов местного самоуправления без уточнения конкретного механизма крестьянского землепользования, что, естественно, не могло удовлетворить крестьян). Кроме того, в последние годы перед мировой войной у меньшевиков под влиянием Бунда наметился определенный сдвиг в сторону признания требования культурно-национальной экстерриториальной автономии для национальных меньшинств, не имеющих компактной территории проживания (евреи и др). Однако официально в программу РСДРП оно включено не было, хотя и фигурировало в меньшевистской платформе в период подготовки выборов в Учредительное собрание в 1917 г.

В основу стратегии и тактики меньшевиков были положены следующие основные принципы:

1) марксистская рабочая партия ставит перед собой только те практические задачи, для решения которых назрели объективные условия, и не стремится поэтому к преждевременному захвату власти или участию в ней, предпочитая на демократическом этапе революции оставаться в роли крайней левой оппозиции (в мае 1917 г. меньшевики отошли от этого принципа, войдя в состав Временного правительства);

2) социалистическая революция в России является делом весьма отдаленного будущего и может быть ускорена лишь победой пролетариата на Западе;

3) общенациональный фронт борьбы с самодержавием должен включать в себя и либеральную буржуазию, оппозиционные потенции которой еще далеко не исчерпаны; отсюда вытекает допустимость политических блоков с партией кадетов;

4) крестьянство с его частнособственническими инстинктами и царистскими иллюзиями не может быть надежным долговременным союзником пролетариата в демократической революции, не говоря уже о революции социалистической, хотя и способно внести существенный вклад в расшатывание самодержавного строя;

5) рабочий класс выступает как главная движущая сила революции, ее инициатор и пример для других демократических слоев общества (в период до издания Манифеста 17 октября меньшевики с оговорками признавали гегемонию пролетариата и его партии в освободительном движении, понимая ее, однако, не как руководящую роль рабочих и РСДРП в революции, а лишь как их особую социально-политическую активность и защиту ими общенациональных интересов);

6) тактика партии строится применительно к политической обстановке в стране и предусматривает возможность применения всех форм борьбы, включая и насильственные, хотя предпочтение отдается при этом легальной деятельности в Думе, профсоюзах, кооперации и т.д.; экспроприации денежных средств на нужды революции («эксы») и политический терроризм по морально-этическим соображениям признаются недопустимыми.

Отрицая любые формы политического экстремизма и авантюризма, меньшевики пытались действовать не методами обструкции и бойкота, к которым нередко прибегали большевики, а методом конструктивного диалога с любым возможным союзником из революционного или либерального лагеря, не ставя при этом во главу угла расхождения доктринального характера. Однако на российской политической арене, где во взаимоотношениях между партнерами всегда преобладали конфронтация и борьба, а не поиски компромисса и согласия, меньшевики вплоть до весны 1917 г. не встречали понимания ни со стороны либералов, ни со стороны неонародников. Лишь после свержения царизма сложился кратковременный меньшевистско-эсеровский блок в Советах и еще более непродолжительный блок меньшевиков с неонародниками и кадетами во Временном правительстве и его органах. В целом же намерений меньшевиков, стремившихся к

созданию единого общенационального демократического фронта, не поняли ни основная масса рабочих, ни крестьянство, ни буржуазия, что нашло, в частности, отражение в результатах выборов в Учредительное собрание, на которых меньшевики получили чуть больше 3% голосов (почти половина их приходилась при этом на одну Грузию).

Революционная практика меньшевизма в 1905—1907 гг.

Как же конкретно проявили себя меньшевики в бурных событиях российской политической жизни начала XX века? Пожалуй, впервые им пришлось определить свою особую фракционную позицию в связи с русско-японской войной. Находившаяся тогда в руках меньшевиков газета «Искра» выдвинула лозунги немедленного заключения мира и созыва Учредительного собрания для скорейшего решения самых острых вопросов русской жизни демократическим путем. При этом призывы к прекращению войны и свержению самодержавия шли параллельно. Что касается тактики «революционного пораженчества», то меньшевики, в отличие от большевиков, ее категорически отвергали. Они считали, что свобода не может быть принесена в Россию на японских штыках и получена ценой национального унижения и безнравственного союза русских революционеров с агрессором. Исходя из этого, меньшевики отказались участвовать в Парижской конференции революционных и оппозиционных партий России (осень 1904 г.), к подготовке которой приложила руку японская разведка.

Когда либеральная общественность России решила отметить 40-летие судебной реформы 1864 г., меньшевики в ноябре и декабре 1904 г. распространили два письма редакции «Искры» (в нее входили тогда Плеханов, Аксельрод, Мартов, Потресов, Засулич, Дан) к местным социал-демократическим организациям, в которых призывали их оказать давление на либеральную общественность с целью радикализации ее позиции в отношении самодержавного режима. Речь шла об организации рабочих демонстраций, выступлений социал-демократов на либеральных банкетах в честь юбилейной даты, выпуске листовок и т.д. Однако эта кампания, встретившая решительное сопротивление со стороны большевиков, не приняла сколько-нибудь широких масштабов и не принесла заметных результатов.

Революция 1905—1907 гг. подняла деятельность меньшевиков на качественно новый уровень, позволив им выйти из подполья и принять активное участие в руководстве массовым движением, а также советами рабочих депутатов, в деятельности Государственной думы, многих профсоюзов и других легальных организаций. В целом работа меньшевиков шла достаточно успешно, и по ряду позиций они не уступали большевикам. Что же касается думской арены, то здесь тон задавали именно меньшевики, в первую очередь представители Грузии (И.Г.Церетели и др.). Сильны были позиции меньшевиков и в профсоюзном движении.

Главным объектом своего воздействия меньшевики считали городской пролетариат. Большое внимание уделяли они руководству забастовочным движениям, включая и стачки на экономической почве, приносившие быстрые и ощутимые результаты в улучшении материального положения рабочих и условий их труда. Активно работали меньшевики со студенчеством, служащими, интеллигенцией. Что касается деревни, то здесь успехи меньшевиков были невелики: на работу среди крестьянства не хватало ни сил, ни средств, да и сам деревенский мир оставался для меньшевиков чужим и непонятным. Не нужно доказывать, что в такой крестьянской стране, как Россия, это было для меньшевиков большим минусом. Исключение составляла лишь украинская «Спилка», успешно действовавшая на селе и тесно связанная с меньшевиками (в 1906 г. она фактически стала частью РСДРП).

Подход меньшевиков к таким актуальным в 1905—1907 гг. вопросам, как вооруженное восстание, отношение к крестьянскому движению и движению в армии и на флоте, не оставляет сомнений в их революционности, ибо совершенно очевидно, что социал-реформисты решали бы их совершенно по-иному. Вместе с тем меньшевиков никогда не спутаешь здесь с большевиками или эсерами. Так, если для сторонников Ленина главным в подготовке восстания была конкретная организационно-техническая работа по созданию, вооружению и обучению боевых дружин, то меньшевики, не забывая об этой стороне дела, отдавали все же приоритет агитационно-пропагандистской деятельности с целью убедить народ в неизбежности вооруженной борьбы против самодержавия и вызвать у него желание запастись для этого оружием. По мнению меньшевиков, вооружить всех желающих социал-демократы все равно не смогут, восстания вспыхивают, как правило, стихийно, а потому главное — подготовить к ним массы политически и психологически, поднять их настроение, удержать от несвоевременного, заранее обреченного на провал выступления. Все остальное — дело рук небольшой группы специально выделенных партией людей, которые и будут заниматься военно-технической подготовкой восстания.

При этом меньшевики отнюдь не уклонялись от конкретной военно-боевой работы. Меньшевистская «Искра», например, печатала в 1905 г. материалы с практическими советами, как вести уличные бои с правительственными войсками. Члены меньшевистского Одесского комитета РСДРП К.И.Фельдман, Б.О.Богданов и А.П.Березовский пытались руководить восстанием на броненосце «Потемкин», делегат I съезда РСДРП меньшевик А.А.Ванновский участвовал в ноябре—декабре 1905 г. в вооруженных выступлениях в Киеве и Москве и т.д. В дни Московского декабрьского восстания 1905 г. среди 1,5—2 тыс. дружинников было около 250 меньшевиков (у большевиков — примерно 600, у эсеров — 300). Однако неудача повстанцев в Москве резко изменила настроения меньшевиков, которые задним числом стали каяться в том, что оказались участниками явной авантюры (Плеханов даже заявил, что «не нужно было и браться за оружие», вызвав этим взрыв возмущения в революционных, особенно большевистских, кругах). В дальнейшем меньшевики относились к перспективе нового восстания уже достаточно прохладно, хотя в июле 1906 г., после роспуска I Думы, на какой-то момент вновь поддались по-

встанческим настроениям, которые, однако, быстро угасли. В целом же после декабрьской неудачи 1905 г. меньшевики стали делать главную ставку на работу в созванной наконец царем Государственной думе и в легализованных властями в марте 1906 г. профсоюзах.

Как уже упоминалось выше, меньшевики не считали целесообразным участвовать во Временном революционном правительстве, которое могло возникнуть в результате победы народного восстания и на участии в котором настаивал Ленин. Вместе с тем они выступали за создание революционных, подлинно демократических органов местного самоуправления, связывая с их деятельностью большие надежды на закрепление успехов революции. Ленин считал такую тактику по меньшей мере нелогичной: как можно, говорил он, ратовать за революционное самоуправление на местах и быть против использования в интересах революции такого мощного рычага, как правительственная власть? Однако меньшевики твердо стояли на своем, полагая, что реальный процесс революционных преобразований на местах имеет больше шансов на успех, чем гипотетические декреты гипотетического Временного правительства в Петербурге. При этом они ссылались на успехи органов местного самоуправления в Гурии (Западная Грузия) и на деятельность ряда советов рабочих депутатов, возникших в последние месяцы 1905 г. Характерно, что в Петербургском совете меньшевики играли более заметную роль, чем большевики, а в Баку, Екатеринославе, Николаеве, Одессе, Ростове-на-Дону, Смоленске они официально возглавляли местные советы.

Главным, приоритетным направлением в деятельности меньшевиков была идейно-организационная работа в пролетарских массах. Пробудить сознание рабочих, повысить уровень их политической культуры, стимулировать инициативу и творческую активность пролетариата — вот к чему в первую очередь стремилась эта фракция РСДРП. В этой связи становится понятной и агитация меньшевиков за созыв беспартийного «рабочего съезда», который дал бы возможность услышать подлинный голос пролетарской массы. Имелось также в виду, что такой съезд со временем, возможно, даже заменит РСДРП, где рабочие от станка были оттеснены интеллигенцией. Активными сторонниками созыва «рабочего съезда» были П.Б.Аксельрод, Г.В.Плеханов, Ю.Ларин (в то время меньшевик) и др. Однако обсуждение этого вопроса на V съезде РСДРП закончилось победой большевиков, считавших саму идею «рабочего съезда» антипартийной и оппортунистической.

Подводя итоги Первой российской революции в пятитомном историко-публистическом труде «Общественное движение в России в начале XX-го века» (1909—1914), меньшевики пришли к выводу, что наряду с несомненными достижениями в деятельности РСДРП в 1905—1907 гг. были и левацкие ошибки: необоснованные претензии на гегемонию в революционном движении, неоправданное забегание вперед в борьбе с буржуазией, включая попытку явочным путем ввести 8-часовой рабочий день, бойкот или полубойкот выборов в I Думу (меньшевики раньше большевиков поняли ошибочность бойкотистской тактики и сумели не только дезавуировать ее на IV съезде РСДРП, но и провести в Думу несколько грузинских меньшевиков,

поскольку выборы в Закавказье проходили позже, чем в Центральной России). Меньшевики каялись также в том, что частично поддались утопическим призывам Троцкого превратить русскую революцию в перманентный (непрерывный) процесс, продолжающийся вплоть до установления диктатуры пролетариата во всемирном масштабе. На будущее меньшевики видели свою задачу в том, чтобы способствовать победе буржуазии над самодержавием, открыть дорогу российскому капитализму и только потом, когда налицо будут все необходимые объективные и субъективные условия, осуществить в России социалистическую революцию. Пока же, по их мнению, необходимо было продолжать неторопливую будничную работу по организации и воспитанию пролетариата и ждать, когда либеральная буржуазия дорастет до настоящей оппозиционности самодержавному режиму.

Борьба течений внутри меньшевизма в межреволюционный период

Меньшевики, как и другие революционные и оппозиционные партии, очень тяжело переживали победу контрреволюции. Их ряды сильно поредели, организации распадались, многие меньшевики вынуждены были снова уехать в эмиграцию. Широкое распространение получили настроения апатии, уныния, разочарования в революционных идеалах. После «дней свободы» нужно было вновь возвращаться в подполье, изрядно скомпрометированное к тому времени провокаторством, экспроприациями, финансовыми аферами большевиков (чего стоило, например, одно только дело с наследством московского фабриканта Николая Шмита). В этих условиях у менее устойчивой в идейном отношении части меньшевиков возникало желание навсегда порвать с подпольной работой, любой ценой закрепиться в легальных организациях и переждать там до лучших времен, когда в России можно будет создать легальную рабочую социалистическую партию западного типа. Сторонники этого течения получили название «ликвидаторов», т. е. людей, готовых ликвидировать или, по крайней мере, коренным образом перестроить старую нелегальную социал-демократическую партию. Наиболее решительные взгляды высказывали по этим вопросам А.Н.Потресов, П.Б.Аксельрод, В.О.Левицкий (брат Мартова) Ф.А.Череванин, П.А.Гарви и др. Их взгляды на перспективы революционного движения в России отличались, пожалуй, наибольшим пессимизмом, а некоторые меньшевистские публицисты из журнала «Наша заря» доходили до полного неверия в близость новой революции в России.

Руководители меньшевистской фракции Мартов и Дан и официальный заграничный орган меньшевизма газета «Голос социал-демократа» не разделяли крайностей «ликвидаторства». Они понимали, что без подпольной партии (но, разумеется, в обновленном виде) в столыпинской России не обойтись, однако не ставили под сомнение организационное единство с «ликвидаторами» и яростно отстаивали честь меньшевистского мундира перед лицом большевиков, которые

видели в «ликвидаторах» изменников революционному делу. В то же время против «ликвидаторов» выступали и небольшие группы меньшевиков (их лидером стал Плеханов), получившие название меньшевиков-партийцев и требовавшие любой ценой сохранить нелегальную социал-демократическую партию. Что касается Троцкого, то он призывал в издававшейся им в Вене газете «Правда» к ликвидации фракционности и единству всех течений в РСДРП. Эта идея была положена в основу процесса оформления, в противовес большевикам и меньшевикам-партийцам, блока нескольких социал-демократических организаций антиленинского направления. Поскольку конференция, на которой он был создан, состоялась в Вене в августе 1912 г., то и сам блок получил название Августовского. В конференции участвовали Мартов, Троцкий, представители нескольких меньшевистских «инициативных групп» из России, а также бундовцы, грузинские и латышские социал-демократы. Из-за своей внутренней неоднородности Августовский блок оказался очень непрочным и к 1917 г. окончательно распался.

В связи с предстоявшими в конце 1912 г. выборами в IV Думу организации Августовского блока выдвинули требования всеобщего избирательного права, «полновластного народного представительства», свободы союзов и печати. Был подтвержден курс на легализацию рабочего движения, находивший поддержку у меньшевистской интеллигенции, части высококвалифицированных и хорошо оплачиваемых рабочих (главным образом печатников и металлистов), а также профсоюзных функционеров. Однако основная масса рабочих, заметно активизировавшаяся с наступлением в 1909 г. нового промышленного подъема, склонна была поддерживать не меньшевиков, а более радикально настроенных большевиков и эсеров.

В итоге к началу Первой мировой войны меньшевизм подошел, во многом утратив свои прежние позиции в рабочем движении, в частности в профсоюзах. В то же время более четко выявилась западническая ориентация меньшевизма, его стремление подражать европейскому рабочему движению и отдавать приоритет легальным пролетарским организациям. Укрепились и связи меньшевиков с руководством II Интернационала, которое поддерживало антибольшевистские тенденции в РСДРП.

Испытание войной

Война привела к расколу международного социалистического движения на социалистов-патриотов и социалистов-интернационалистов. Аналогичное размежевание, правда в более мягких формах, произошло и в рядах меньшевиков. Разумеется, первые при этом не отрицали начисто интернационализм, а вторые — патриотизм, однако акценты в каждом из указанных течений расставлялись по-своему: «патриоты», критикуя империализм, тем не менее выступали за победу стран Антанты, а значит, и России, тогда как «интернационалисты» требовали как можно скорее закончить войну без победителей и побежденных и были уверены в скорой победе мировой революции.

Заметим в этой связи, что ленинские оценки меньшевиков как «социал-шовинистов», «социал-империалистов» и т.п. должны быть отнесены на счет явных преувеличений, вызванных фракционной борьбой.

26 июля 1914 г. шесть меньшевистских и пять большевистских депутатов IV Государственной думы осудили начавшуюся войну как империалистическую, захватническую с обеих сторон. Однако вскоре среди меньшевиков появилось «оборонческое» течение (Плеханов, Потресов, Маслов и др.), сторонники которого, исходя из очевидного факта германской агрессии, объявили войну со стороны России оборонительной. При этом меньшевики-оборонцы закрывали глаза на захватнические планы правящей верхушки России в отношении Черноморских проливов, Галиции и некоторых других территорий. Их лозунги «непротиводействия» войне и «самообороны» носили довольно двусмысленный характер, а призывы Плеханова голосовать в Думе за военные кредиты уже откровенно лили воду на мельницу царского правительства и были по достоинству оценены властями, выделявшими этого «государственного мыслящего» марксиста среди других русских социал-демократов.

Не нуждаются в комментариях и призывы меньшевиков-оборонцев отказаться на время войны от наиболее острых форм классовой борьбы внутри страны под тем надуманным предлогом, что война — это тоже классовая борьба, но только не с отечественными, а с иностранными эксплуататорами. Правда, к осени 1915 г., когда обнаружилась неспособность царизма защитить Россию от внешнего врага, меньшевики-оборонцы вместе с правыми эсерами заговорили о революции во имя победы над Германией, однако реальных шагов в этом направлении вплоть до 1917 г. они не предпринимали.

Но большинство меньшевиков отказалось в какой-либо форме солидаризироваться с властью и осудило войну, призывая, как и в 1904—1905 гг., к скорейшему заключению всеобщего мира без аннексий и контрибуций и к использованию созданного войной кризиса для ускорения социалистических революций на Западе и демократической революции в России. При этом меньшевики еще более категорически, чем в период русско-японской войны, открещивались от тактики «революционного пораженчества», которую провозгласили большевики устами Ленина, расценивая ее как глубоко аморальную и обреченную на полное непонимание и решительное осуждение рабочими и особенно крестьянством.

Среди меньшевиков-интернационалистов выделялись более радикальные эмигрантские группы и более умеренное, но численно преобладавшее в меньшевистских организациях в самой России крыло, возглавляемое думской фракцией меньшевиков и ее лидером Чхеидзе. Вполне понятно, что в обстановке резкого усиления репрессий за антивоенную пропаганду, не говоря уже об открытых антивоенных выступлениях, меньшевики-интернационалисты боролись с царским правительством и буржуазией больше словом, чем делом. Они выпускали революционно-пацифистские листовки, голосовали в Думе против утверждения военного бюджета, но, в отличие от большевиков, в основном стояли в стороне от стачечного движения и от ак-

тивной работы по пропаганде революционных идей в армии и на флоте.

Наиболее последовательную антивоенную позицию среди меньшевиков занимал в период войны Мартов, показавший себя как искренний и убежденный интернационалист, сторонник мировой антиимпериалистической революции. При его активном участии в Париже в 1914—1916 гг. выходили на русском языке интернационалистские газеты «Голос» и «Наше слово». Вместе с Лениным, Аксельродом, Троцким, лидером эсеров Черновым и др. он участвовал в международном социалистическом Циммервальдском движении, оформившемся осенью 1915 г. как центр антивоенных сил во всех воюющих и нейтральных европейских странах. Все это способствовало укреплению морального авторитета Мартова в рядах меньшевиков, хотя отрыв от родины не позволял ему эффективно влиять на меньшевистские организации внутри России и сильно затруднил его положение после возвращения из эмиграции на родину в мае 1917 г.

Никогда не отличавшийся внутренним единством меньшевизм оказался в годы войны в состоянии фактического раскола. Меньшевикам не удалось провести своей общефракционной конференции, наладить выпуск общероссийской нелегальной газеты, а сохранявшиеся со времен Августовского блока Организационный комитет меньшевиков и его Заграничный секретариат не смогли координировать работу меньшевистских организаций.

Правда, к 1917 г. у меньшевиков появился еще один и притом достаточно влиятельный центр в лице оформившейся в конце 1915 г. рабочей группы Центрального военно-промышленного комитета во главе с рабочим Кузьмой Гвоздевым. Наряду с ней существовали также рабочие группы еще в 58 из 244 местных военно-промышленных комитетах, где меньшевики-оборонцы работали вместе с эсерами (большевики ВПК бойкотировали). Разрешенные властями в интересах примирения рабочих с правящим режимом и буржуазией и повышения эффективности военного производства, рабочие группы ВПК использовали свою легализацию прежде всего для того, чтобы наладить организационные связи между пролетариатом различных регионов. Ухудшение материального положения рабочих в годы войны, их полное бесправие, а также репрессии властей в отношении самих рабочих групп постепенно привели к радикализации их позиций. Гвоздев и его товарищи призвали рабочих Петрограда выйти 14 февраля 1917 г., в день открытия очередной сессии Думы, к Таврическому дворцу, чтобы выразить свой протест против политики царского правительства. «Так больше жить нельзя! Самодержавие губит страну, губит народ... Только немедленное учреждение Временного революционного правительства, опирающегося на организующийся в борьбе народ, способно вывести страну из тупика и гибельной разрухи, укрепить в ней политическую свободу и привести к миру на условиях, приемлемых для пролетариев всех стран», — говорилось в обращении участников организованного Гвоздевым совещания рабочих социал-демократов Петрограда к пролетариату столицы (январь 1917 г.). К этому нужно добавить, что еще раньше рабочая группа ЦВПК санкционировала стачки в день памяти жертв

«Кровавого воскресенья» 9 января 1917 г. В ответ власти арестовали членов группы, еще более увеличив тем самым их популярность у части рабочих.

На авансцене большой политики

Меньшевики не успели принять сколько-нибудь активного участия в бурных и скоротечных февральских событиях 1917 г., которые привели к свержению самодержавия. Однако революция быстро вынесла их на авансцену политической жизни России: они захватили ведущие позиции в исполкоме Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов, который во многом определял тогда политическую ситуацию в стране, а в мае 1917 г. вошли в состав коалиционного Временного правительства, где М.И.Скобелев и И.Г.Церетели получили соответственно портфели министров труда и почт и телеграфов. Добавим, что в дальнейшем членами Временного правительства стали меньшевики К.А.Гвоздев, А.М.Никитин и П.Н.Малянтович. Н.С.Чхеидзе был избран председателем Петросовета, а на I Всероссийском съезде советов в июне 1917 г. — председателем ВЦИК советов. Популярность меньшевизма быстро росла, и не будет преувеличением сказать, что в 1917 г. меньшевики стали одной из трех главных партий социалистической ориентации, оказывавших значительное влияние на рабочие, солдатские и крестьянские массы и на ситуацию в стране в целом.

В мае 1917 г. в Петрограде прошла Всероссийская конференция меньшевистских и объединенных организаций РСДРП, а в августе — объединительный съезд меньшевиков, на котором было провозглашено создание РСДРП (объединенной), хотя и после этого в рядах меньшевиков сохранялось несколько обособленных друг от друга течений: правое во главе с Потресовым, центристское во главе с Церетели и Даном и левое во главе с Мартовым. Доминировали в меньшевистских кругах до октября 1917 г. взгляды Церетели: курс на упрочение буржуазно-демократического строя, признание необходимости защиты революционной России от внешнего врага впредь до заключения всеобщего демократического мира, полное доверие коалиционному Временному правительству, призыв к соглашению пролетариата и буржуазии на основе взаимных уступок, оттягивание решения аграрного вопроса до созыва Учредительного собрания.

Что касается меньшевиков-интернационалистов, которых возглавлял Мартов и которые имели на августовском партийном съезде лишь немногим более трети голосов, то они выступали за продолжение и углубление революции в России как части мировой антиимпериалистической революции, требовали создания правительства, состоящего исключительно из представителей всех социалистических партий, советов, профсоюзов, фабзавкомов и армейских комитетов, осуждали вхождение меньшевиков во Временное правительство, настаивали на скорейшем заключении мира и передаче земли крестьянам. В окончательном виде эта платформа сложилась у Мартова к осени 1917 г. К тому времени от меньшевиков окончательно отошли Плеханов и

его группа «Единство», а также часть левых меньшевиков, в частности Ю.Ларин, которые, наоборот, вступили в партию большевиков. К Ленину ушли в августе и около 4 тыс. «межрайонцев» — членов центристской петроградской организации, к которой по возвращении из эмиграции в мае 1917 г. примкнул и Троцкий.

Историки до сих пор спорят о том, правы или неправы были меньшевики, когда, пересмотрев прежние взгляды, решили делегировать своих представителей в состав кабинета князя Львова, а затем Керенского? С одной стороны, они как будто разрядили этим кризисную ситуацию в стране и на какое-то время отодвинули угрозу гражданской войны. С другой — скомпрометировали себя как демократов и социалистов, взвалив на свои плечи часть ответственности за вызывавший возмущение народа курс Временного правительства и лишив себя возможности критиковать его заведомо слабую компромиссную политику. Меньшевики не поддались искушению безответственно пообещать миллионам людей социалистический рай на земле, зная, что Россия явно не готова к подобному эксперименту. Но что предложили они сами для спасения России от надвигавшейся на нее национальной катастрофы? Ставка меньшевиков на конструктивную коалицию с буржуазией оказалась битой, ибо такого блока не хотело ни большинство рабочих, ни большинство российских предпринимателей. Сепаратный мир с Германией казался меньшевикам изменой национальным интересам России, но армия и народ не хотели продолжения войны, а правительства стран Антанты не желали упускать шансы на победу над Германией. Лишь в самый последний момент, в октябре 1917 г. меньшевики предложили Керенскому немедленно отдать землю крестьянам, но было уже поздно. Решение национального вопроса откладывалось до созыва Учредительного собрания. В итоге меньшевики, сохранив свою доктринальную чистоту, оказались в исторические октябрьские дни 1917 г. «вне игры». Война и разруха, разгул анархических настроений, разложение армии, падение авторитета власти подавили и сломили их. Победа досталась их противникам — большевикам.